

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXVIII.

Т Р У Д Ы
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

К Н И Г А IV.

~~~~~

**ПРОТОКОЛЫ 13 — 25 ЗАСѢДАНІЙ (14 НОЯБРЯ 1874—17 АПРѢЛЯ 1877 ГОДА),**  
**СЪ 12 ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

~~~~~

Подъ редакціей **Н. А. Попова,**
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

~~~~~

**МОСКВА.**

Типо-литографія С. П. Архипова и К<sup>о</sup>, на Большой Кисловкѣ, соб. домъ.  
. 1877.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

### IV КНИГИ „ТРУДОВЪ“ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

| А. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНИЙ ОТДѢЛА:                           | Стр.   |                                                              | Стр.    |
|----------------------------------------------------------|--------|--------------------------------------------------------------|---------|
| Тринадцатое засѣданіе, 14-го ноября 1874 года. . .       | 1— 3   | III. <i>Ф. Д. Нефедова</i> , Этнографическія наблюденія на   |         |
| Четырнадцатое засѣданіе, 22-го декабря 1874 года. . .    | 3— 6   | пути по Волгѣ и ея притокамъ: а) отъ Рыбинска до             |         |
| Пятнадцатое засѣданіе, 9-го февраля 1875 года. . .       | 6— 8   | посада Пучежа, б) отъ посада Пучежа до Казани,               |         |
| Шестнадцатое засѣданіе, 23-го марта 1875 года. . .       | 9— 10  | в) Заволжье. . . . .                                         | 40— 69  |
| Семнадцатое засѣданіе, 4-го мая 1875 года. . . . .       | 10— 11 | IV. <i>П. Г. Добрышкиной</i> , Васильевъ вечеръ и новый      |         |
| Восемнадцатое засѣданіе, 30-го сентября 1875 года. . .   | 11— 12 | годъ въ Муромскомъ уѣздѣ, съ дополненіями Е. В.              |         |
| Деятнадцатое засѣданіе, 27-го ноября 1875 года. . .      | 12     | Барсова. . . . .                                             | 69— 75  |
| Двадцатое засѣданіе, 22-го апрѣля 1876 года. . . . .     | 12— 13 | V. <i>Е. В. Барсова</i> , Обряды, наблюдаемые при рожденіи   |         |
| Двадцать первое засѣданіе, 29-го апрѣля 1876 года. . .   | 14— 15 | и крещеніи дѣтей на рѣкѣ Орели. . . . .                      | 76      |
| Двадцать второе засѣданіе, 4-го января 1877 года         |        | VI. <i>В. Ф. Кудрявцева</i> , Обзоръ этнографическихъ дан-   |         |
| (Сообщеніе Предсѣдателя: „О французскомъ худож-          |        | ныхъ, помѣщенныхъ въ пяти томахъ „Нижегород-                 |         |
| никѣ этнографъ Теодорѣ Валеріо“). . . . .                | 15— 19 | скаго Сборника“. . . . .                                     | 77— 96  |
| Двадцать третье засѣданіе, 13-го марта 1877 года         |        | VII. <i>К. А. Попова</i> , Охотничье право собственности у   |         |
| (Сообщеніе <i>В. Шейна</i> : „Обрядъ похоронъ мухъ и     |        | Зырянъ. . . . .                                              | 96—102  |
| другихъ насѣкомыхъ“, съ замѣчаніями на оное <i>В.</i>    |        | VIII. <i>А. Ф. Можаровскаго</i> , Очерки жизни крестьянскихъ |         |
| <i>Ф. Миллера</i> ). . . . .                             | 19— 23 | дѣтей Казанской губерніи въ ихъ потѣхахъ, острогахъ,         |         |
| Двадцать четвертое засѣданіе, 3-го апрѣля 1877 года. . . | 23— 24 | стишкахъ и пѣсняхъ. . . . .                                  | 102—139 |
| Двадцать пятое засѣданіе, 17-го апрѣля 1877 года. . .    | 25     | IX. <i>П. М. Апостольскаго</i> , Крестьянская свадьба въ     |         |
|                                                          |        | Мценскомъ уѣздѣ. . . . .                                     | 139—145 |
|                                                          |        | X. <i>Л. В. Лосевскій</i> , Башкирское преданіе о лунѣ въ    |         |
|                                                          |        | связи съ преданіями другихъ народовъ о солнцѣ и              |         |
|                                                          |        | лунѣ. . . . .                                                | 145—151 |
|                                                          |        | XI. <i>П. М. Апостольскаго</i> , О происхожденіи первобыт-   |         |
|                                                          |        | ныхъ вѣрованій по теоріи Герберта Спенсера. . . . .          | 151—174 |
|                                                          |        | XII. <i>В. Ф. Миллера</i> , Восточные и западные родичи      |         |
|                                                          |        | одной русской сказки. . . . .                                | 174—20  |

#### Б. ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ:

|                                                            |        |
|------------------------------------------------------------|--------|
| I. <i>В. и А. Зенковичей</i> , Вѣрованія и обряды жителей  |        |
| Могилевской губерніи--Вѣлоруссовъ. . . . .                 | 26— 33 |
| II. <i>Е. В. Барсова</i> , Петръ Великій въ народныхъ пре- |        |
| даніяхъ и сказкахъ сѣвернаго края (9 сказокъ). . . . .     | 33— 40 |

зываетъ, что въ Нижегородскихъ жителяхъ уже поколебалось господствовавшее прежде убѣжденіе, выражаемое въ слѣдующихъ употребительныхъ изреченіяхъ:

«Землю пахать можно и безъ книжки. Если старики безъ грамоты жили, то и мы такъ вѣкъ проживемъ».

## VII. ОХОТНИЧЬЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ У ЗЫРЯНЪ.

(Статья покойнаго д. ч. К. А. Попова.)

Въ сочиненіи своемъ «Зыряне и Зырянскій край», и именно въ XIII главѣ его, посвященной описанію звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, говоря о ловушкахъ, устраиваемыхъ зырянскими промышленниками въ такъ называемыхъ *отхожихъ участкахъ*, — т. е. въ удаленныхъ отъ селеній лѣсистыхъ пустыняхъ, куда охотники отправляются каждую зиму иногда на цѣлые мѣсяцы,—я замѣтилъ между прочимъ, что г. Ф. А. Арсеньевъ, сообщившій въ своей книгѣ «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы» самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, преувеличилъ число ловушекъ, принадлежащихъ инымъ охотникамъ. По словамъ г. Арсеньева нѣкоторыя охотничьи партіи имѣютъ по 600, даже по 800 ловушекъ. Недовѣріе свое къ этой цифрѣ я высказалъ, основываясь единственно на личномъ моемъ наблюденіи. Разъ мнѣ случилось сопутствовать одному охотнику въ окрестностяхъ г. Никольска \*) при обходѣ имъ охотничьей тропы (*путика*, по мѣстному выраженію), по которой расположены принадлежащія ему ловушки, и, судя по способу обхода, не могъ допустить возможности въ короткій зимній день, продолжающійся въ Зырянскомъ краѣ какихъ нибудь пять часовъ, осмотрѣть и, при случаѣ, вновь насторожить 800 ловушекъ, т. е. почти по три ловушки въ минуту. Но, утверждая это, я не принялъ въ соображеніе того обстоятельства, что зырянскому охотнику именно по тому, что онъ занимается промысломъ въ зимнее время, нѣтъ особенной надобности непременно каждый день обходить всѣ свои ловушки, весь *путикъ*, такъ какъ зимою добыча, даже дичь, не подвергается порчѣ; а между тѣмъ я, близъ г. Никольска, участвовалъ въ обходѣ тропы лѣтомъ. Оставляя часть своихъ ловушекъ не осмотрѣнными въ теченіе нѣсколькихъ, даже многихъ дней зырянскій охотникъ рискуетъ только лишиться

иногда какого нибудь рябчика или тетеря, попавшихъ въ западню и слѣдственныхъ хищными звѣрями, которые вообще большіе любители хорошей дичи.

О такой ошибкѣ своей я не считалъ бы нужнымъ и заявлять, ибо не считаю ее важною, если бы не пожелалъ того г. Арсеньевъ. Притомъ же онъ, въ письмѣ ко мнѣ, указывая ее, между прочимъ, для объясненія причины значительнаго числа ловушекъ, сказалъ нѣсколько словъ о правѣ собственности на нихъ. Свѣдѣній объ этомъ предметѣ я не имѣлъ въ виду до изданія моего сочиненія; а между тѣмъ, не смотря на ихъ краткость, они показались мнѣ не лишенными интереса. Поэтому, я просилъ г. Арсеньева сообщить этнографическому отдѣлу прямо или черезъ мое посредство подробныя замѣчанія на мое сочиненіе, причемъ указалъ ему особенно на важность возможно-полныхъ свѣдѣній о правѣ владѣнія отхожими участками; если же онъ признаетъ болѣе удобнымъ напечатать эти свѣдѣнія не въ изданіяхъ общества любителей естествознанія, то увѣдомить меня, гдѣ они будутъ напечатаны. Но такая просьба, моя осталась безъ послѣдствій. Между тѣмъ послѣ того, просматривая іюльскую книжку «Журнала Охоты» за 1875 г., я встрѣтилъ въ ней статью г. Арсеньева подъ заглавіемъ «Лемь», въ которую, рассказывая о разныхъ охотничьихъ приключеніяхъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, онъ включилъ въ видѣ эпизода и свѣдѣнія о правѣ собственности на ловушки, содержащіяся въ письмѣ его ко мнѣ, почти безъ добавленій и пропусковъ, лишь въ измѣненной нѣсколько, совершенно съ общимъ тономъ рассказа, редакціи. Изъ этого я заключаю, что подробности объ интересующемъ меня предметѣ не будутъ доставлены ни мнѣ, ни этнографическому отдѣлу; почему и считаю теперь себя въ правѣ воспользоваться по крайней мѣрѣ тѣми данными, какія до сихъ поръ мнѣ удалось получить отъ г. Арсеньева, чтобы соображая ихъ съ добытыми изъ другихъ источниковъ, опредѣлить хотя общія черты юридическихъ отношеній зырянъ къ ихъ охотничьей собственности,

\*) Хотя г. Никольскъ находится не въ Зырянскомъ краѣ, но уѣздъ его смеженъ съ Устьсысольскимъ и звѣриныя и птичьи промыслы въ первомъ также довольно значительны, а охотничьи приемы и тамъ и тутъ сходны.

предоставивъ будущему фактическое изученіе подробностей. Смѣю думать, что и такая попытка не будетъ вовсе бесполезна.

Г. Арсеньевъ пишетъ: а) что ловушки составляютъ у зырянъ фамиліное достояніе промышленниковъ; ихъ родовое имущество, передаваемое отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну; б) что по *путикамъ* охотникъ ходитъ только одинъ съ своею семьей (сыномъ или братомъ); в) что каждый разъ подновляемая наслѣдниками ловушки доходятъ до огромной численности; г) что нѣтъ надобности во время лѣсованья осматривать ихъ всѣ каждый день, и нѣкоторыя посѣщаются въ недѣлю разъ, а нѣкоторыя по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются не осматрѣнными \*); д) что весь путикъ иногда тянется верстъ на 30, и е) что послѣ бездѣтнаго охотника его ловушки наслѣдуютъ родственники, а если нѣтъ родственниковъ, то права ихъ переходятъ къ обществу или чаще всего, по отказу покойнаго, къ церкви; и тогда путикъ становится оброчною статьею.

Вотъ и все, что сообщилъ г. Арсеньевъ. Но и это немного указываетъ на существованіе у зырянъ весьма оригинальныхъ, и потому любопытныхъ, юридическихъ обычаевъ.

Прежде чѣмъ разовью подробнѣе свой взглядъ на сущность такихъ обычаевъ, считаю нужнымъ сдѣлать дословную выписку изъ напечатаннаго въ «Трудахъ» отдѣла (кн. III, вып. 1., прот. засѣд. 27 марта 1869 г.) письма П. А. Вологодина о его трудахъ по изученію быта пермяковъ. Вотъ что написалъ между прочимъ г. Вологдинъ: «Родовые знаки, пятна, тавра—это, такъ сказать, зачатки гербовъ. Такими знаками, вырубленными на деревьяхъ, неграмотный пермякъ изстари обозначалъ предѣлы назначеннаго въ лѣсу угодыя, свои борти и чурки (ульи), деревья, нужныя для хозяйства, и проч.; тѣ же знаки, начертанные вмѣсто подписи и печати, можно встрѣтить на роспискахъ и документахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи (по р. Чусовой и на Трахѣ) подобными знаками, сдѣланными изъ желѣза, выжигаютъ шерсть на ляжкахъ лошадей, пускаемыхъ на подножный кормъ (это называется *таврить*). Профессору Казанскаго университета Фирсову доставлена изъ здѣшнихъ краевъ рукопись (довольно старая), содержащая въ себѣ изображеніе подобныхъ

\* Послѣднее обстоятельство, т. е. что нынѣ ловушки по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются не осматрѣнными, и теперь имѣется мало вѣроятнымъ.

знаковъ (*знаменій*) съ описаніемъ, какому роду знакъ принадлежитъ и гдѣ родъ обитаетъ. Къ сожалѣнію, я не имѣю копій съ этого списка и даже не знаю, къ какому времени относится рукопись. Можетъ быть, изъ сличенія существующихъ знаковъ родовъ старинныхъ съ знаменіями, изображенными въ рукописи, эта послѣдняя послужитъ ключемъ къ выясненію нѣкоторыхъ сторонъ темной исторіи пермяковъ, зырянъ, вогуль и др. финновъ. Родовой знакъ въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ имуществомъ переходитъ къ старшему въ родѣ. Съ возникновеніемъ новаго рода является и новый знакъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ между пермяками знаки до сихъ поръ не утратили своего значенія; административныя же власти, разумѣется, пренебрегаютъ значеніемъ этихъ пятенъ. На картѣ \*) изображено въ видѣ примѣра шесть знаковъ очень старинныхъ родовъ. Иногда вмѣстѣ съ знаками присвоивается роду особое прозваніе: на примѣръ изъ приведенныхъ на картѣ родъ Гыровиныхъ происходитъ отъ фамиліи Васьяковыхъ, родъ Оленпчей—изъ фамиліи Щукиныхъ и т. п. Иногда же родъ не имѣетъ особаго прозванія и, нося одну фамилію, роды имѣютъ только свои особые знаки».

Письмо г. Вологодина касается собственно однихъ пермяковъ; но я долженъ замѣтить, что пермяки и зыряне не только по происхожденію, но и по языку составляютъ одинъ народъ, и какъ тѣ, такъ и другіе до сихъ поръ называютъ себя однимъ именемъ—Коми, а встарину и у русскихъ были извѣстны подъ общимъ названіемъ—Перми. Слово «зыряне» недавняго происхожденія и вошло въ употребленіе въ официальномъ и литературномъ языкѣ, вѣроятно вслѣдствіе административныхъ предѣловъ Россіи на губерніи, намѣстничества, провинціи и уѣзды послѣ Петра Великаго. Пермь, вошедшая въ составъ нынѣшней Вологодской губерніи, стала называться даннымъ ей русскими сосѣдями прозвищемъ зыряне, а причисленная къ Пермской и Вятской губерніямъ удержала старое официальное названіе Перми. Замѣчательно или, лучше сказать, забавно, что маленькая группа инородческихъ селеній на западной границѣ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи, окрашиваемая обыкновенно на нашихъ этнографическихъ картахъ однимъ цвѣтомъ съ пермяками, обитающими по р. Камѣ въ Пермской губерніи, отдѣлена отъ послѣднихъ широкою полосой русскаго народа, между тѣмъ какъ отъ

\*) Къ письму г. Вологодина приложена этнографическая карта мѣстности по р. Иньѣ, населенной пермяками.

зырянъ, которыми сплошь заселенъ Устьсысольскій уѣздъ, и именно отъ тѣхъ селеній ихъ, которыя расположены по р. Лузѣ, около Номульской пристани и, какъ мнѣ извѣстно изъ переписныхъ книгъ Сольвычегодскаго у.\*), въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. назывались «Лузскіе Пермцы», отрѣзаны лишь фиктивною чертою географической границы между Вологодскою и Вятскою губерніями,—и, не смотря на такую смежность и на то, что жители ихъ, повторяю, говорятъ однимъ языкомъ, устьсысольскія селенія, слывуть зырянскими, а орловскія—пермскими. Все это оттого только, что случайно, по милости какой нибудь канцелярши или землемѣра, причислены къ разнымъ губерніямъ. Такимъ образомъ того, что пишетъ г. Вологдинъ о пермякахъ естественно искать и у зырянъ, да и самъ онъ говоритъ, что родовые знаки и знаменія могутъ пролить свѣтъ на темную исторію не только пермяковъ, но и зырянъ, вогуловъ и т. д. Впрочемъ, я не раздѣляю мнѣнія г. Вологодина, будто то, что онъ называетъ знакомъ, пятномъ, тавромъ и знаменіемъ есть оригинальная выдумка пермяковъ или другаго какого нибудь народа; такъ какъ всякій не только незнающій письменности, какъ пермяки или зыряне, но даже и грамотный народъ долженъ придумать какіе нибудь условные знаки, по которымъ онъ можетъ отличать собственную вещь отъ чужихъ однородныхъ. Мнѣ случалось видѣть во многихъ чисто русскихъ селеніяхъ условные знаки, накладываемые на разныя домашнія вещи, даже на жерди въ огородахъ, и никого, конечно, не удивить, если такое же обыкновение встрѣтится у эскимосовъ, бушменовъ и т. д. Употребленное же г. Вологдинымъ слово «знаменіе» (я не говорю уже о таврѣ), встрѣчаемое у нашего лѣтописца, тамъ, гдѣ онъ говоритъ, напримѣръ, о хозяйственной дѣятельности кн. Ольги, могло бы дать поводъ къ предположенію, что обыкновение накладывать знаки на вещи пермяки заняли у русскихъ, если бы я не зналъ, что у зырянъ, а можетъ быть и у пермяковъ есть свое соотвѣтствующее знаменію слово «пасъ». Другаго рода значеніе имѣеть для меня указаніе г. Вологодина, что знаки эти (знаменія) изстари служили между прочимъ для обозначенія захваченныхъ въ лѣсу угодьевъ, что они составляютъ принадлежность *родовъ* и что *родовые знаки* въ большинствѣ случаевъ *вмѣстѣ съ имуществомъ переходятъ къ старшему въ*

\*) Въ XVII в. въ Сольвычегодскій уѣздъ (Усольскій, Сольвычегодская) входила часть нынѣшняго Устьсысольскаго.

*родѣ*. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ родомъ, съ родовымъ имуществомъ и узнаемъ, что послѣднее наследуется старшимъ въ родѣ. Къ сожалѣнію г. Вологдинъ, какъ и Арсеньевъ, не сообщил никакихъ подробностей ни о составѣ родоваго имущества, ни о правахъ старшинства, ни объ отношеніяхъ младшихъ членовъ рода къ старшему и къ родовому имуществу и т. д. Я не могу рѣшительно, т. е. основываясь на фактахъ, утверждать, что и зыряне обозначаютъ предѣлы своихъ охотничьихъ участковъ точно такъ же, какъ пермяки; но убѣжденъ, что иначе и быть не можетъ. Притомъ точно такой же способъ обозначенія владѣнія чѣмъ-бы то ни было въ лѣсу существуетъ во многихъ мѣстахъ Россіи, а въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ мнѣ лично извѣстно, и даже въ Сибири, какъ утверждаетъ г. П. А. Ровинскій въ своихъ очеркахъ Восточной Сибири («Древн. и Нов. Росс.», 1875, кн. 2 стр. 232) для подобныхъ знаговъ существуетъ особый русскій терминъ—«затесь». Считаю нужнымъ замѣтить также, что выраженіе г. Вологодина—«захваченныя въ лѣсу угодыя», по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ охотничьимъ участкамъ у зырянъ, не точно. Захватъ предполагаетъ неправомѣрность владѣнія, — чего нельзя сказать о владѣніи зырянскими участками. Правда, никакой писанный положительный законъ не освящаетъ этого владѣнія и земля, на которой находятся охотничьи участки, принадлежитъ государству; такъ что если бы казна вздумала продать кому нибудь эту землю или только растущій на ней лѣсъ на срубъ, — причемъ, конечно, пропали бы и охотничьи ловушки и затеси, то охотникъ не имѣлъ никакого законно-формальнаго основанія протестовать противъ такой продажи. Но тѣмъ не менѣе за него стоитъ многовѣковая давность, и во всякомъ случаѣ первый владѣлецъ участка не захватилъ, а занялъ его, какъ вещь ни чью и затѣмъ этотъ участокъ переходилъ изъ рукъ въ руки на основаніи, никѣмъ до сихъ поръ неоспореннаго, обычая. Такимъ образомъ еще нужно разрѣшить вопросъ—чье право крѣпче: право ли казны на землю, занятую ловушками, или право охотника на ловушки, расположенныя на зачисленной въ казну землѣ? Если казна считаетъ ловушки принадлежностью земли, то зырянинъ, наоборотъ, имѣеть сильное логическое основаніе смотрѣть на землю, какъ на принадлежность ловушекъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, а пока зырянскіе охотники владѣютъ своими отхо-

жими участками, не думая объ основаніяхъ права на владѣніе.

Какъ же они владѣютъ ими?

Г. Вологдинъ говоритъ, что лѣсныя угоды у пермяковъ переходятъ къ старшему въ родѣ; а г. Арсеньевъ, что ловушки у зырянъ составляютъ родовое имущество, передаваемое отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну и что по путинамъ охотникъ ходитъ одинъ съ своею семьею (сыномъ или братомъ). Оба эти извѣстія, ни въ чемъ одно другому не противорѣчатъ; мало однако же дополняютъ другъ друга: по тому и другому ловушки составляютъ родовую собственность и наследуются старшими въ родѣ, и кромѣ того изъ словъ г. Арсеньева можно косвенно заключить,—да это и само собою разумѣется, что старшими считаются отецъ—по отношенію къ сыновьямъ и братъ—по отношенію къ братьямъ, разумѣется, младшимъ; но какое имѣютъ и имѣютъ ли участіе во владѣніи родовымъ имуществомъ болѣе отдаленные родственники—не видно. Мало этого: изъ словъ г. Арсеньева нельзя ни прямо, ни косвенно заключить, составляютъ ли названные имъ родственники одну семью или могутъ принадлежать и къ разнымъ семействамъ, такъ какъ и разные братья напримѣръ: могутъ жить по раздѣлу. Я могу только догадываться, что ловушки, путикъ могутъ быть предметомъ владѣнія и не одной семьи во 1-хъ по самому свойству путика, а во 2-хъ по условіямъ охоты. Въ упомянутомъ сочиненіи своемъ: «Зыряне и зырянскій край» (примѣч. 419) я, сколько могъ, подробно объяснилъ значеніе путика: это цѣльная и, такъ сказать, замкнутая система цѣпи ловушекъ; это одному только охотнику извѣстная, всегда весьма ломанная тропа, могущая иногда сама себя пересѣкать, по которой устроены ловушки; нельзя выкинуть изъ этой тропы ни одной ловушки, какъ изъ цѣпи звена, безъ нѣкотораго риска не найдти слѣдующей, т. е. сбиться съ пути. Короче сказать, путикъ составляетъ недѣлимую единицу владѣнія. Дѣлежъ ловушекъ если и возможенъ физически, то весьма неудобенъ и затруднителенъ: владѣльцу вновь выдѣленной части ловушекъ нужно налагать новые знаки (г. Вологдинъ говоритъ, что «съ возникновеніемъ рода является и новый знакъ, что и по самому существу дѣла необходимо); можно строить новую охотничью избушку, ибо, если, по словамъ г. Арсеньева, путикъ имѣетъ иногда до 30 верстъ протяженія, то, при раздѣлѣ его на двѣ части, владѣльцу одной изъ нихъ при-

шлось бы отъ мѣста ночлега, т. е. отъ пывзяна (избушки) до первой ловушки проходить нѣсколько верстъ, что въ короткій зимній день крайне стѣснительно; наконецъ и самое число ловушекъ въ данномъ путикѣ можетъ быть столь не значительно, что дѣлежъ ихъ невозможенъ, такъ какъ нельзя же пользоваться участкомъ, на обходъ котораго довольно, напримѣръ, четверти охотничьяго дня. Я уже не говорю о многихъ другихъ, не столь чувствительныхъ неудобствахъ дѣлежа путика, каково напримѣръ, распределеніе болѣе прибыльныхъ ловушекъ по количеству добычи, по свойствамъ звѣрей и птицъ, для коихъ они устроены и т. п. Все это неудобства дѣлежа охотничьей родовой собственности, вытекающія изъ самыхъ свойствъ ея.—Но еще болѣе существенныя неудобства представляютъ условія производства охоты. Безспорно самую важную статью охотничьихъ участковъ составляетъ бѣлка. Въ упомянутомъ сочиненіи своемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я уже сказалъ (стр. 73, столб. 2.), что для успѣшности охоты на этого звѣрка нужно три человѣка вдругъ, изъ коихъ одинъ долженъ *выколачивать* животное, прячущееся обыкновенно, при приближеніи охотника, въ гущѣ вѣтвей дерева или дуплѣ, другой—стрѣлять, когда бѣлка выколочена, а третій долженъ быть въ запасѣ, чтобы заблаговременно натопить охотничью избушку, приготовить пищу, устроить новую ловушку и т. п. Во всякомъ случаѣ охотничья партія должна состоять не менѣе, какъ изъ двухъ человѣкъ. Но при такомъ условіи дѣлежъ путика между двумя родственными семьями не всегда возможенъ: не во всякомъ семействѣ бываетъ по два мужчины, способные отправляться вмѣстѣ въ участокъ, отстоящій иногда за сотни верстъ отъ селенія. Между тѣмъ и у зырянъ, какъ и русскихъ ихъ сосѣдей, дробленіе семействъ должно быть весьма значительно. Не смотря на то, что этотъ народъ одаренъ сильными охотничьими инстинктами, земледѣліе у огромнаго большинства его успѣло уже пустить столь глубокіе корни, что въ экономическомъ отношеніи владѣніе землей и обработываніе ея стало производительнѣе, необходимѣе охоты, хотя сами зыряне, можетъ быть, и не всегда сознаютъ это; владѣніе же землею и земледѣльческимъ имуществомъ, существующее у зырянъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у русскихъ, т. е. съ передѣлами общинной земли соотвѣтственно различнымъ рабочимъ силамъ и средствамъ каждаго домохозяина—съ одной стороны къ обработыванью участка,

а съ другой—къ уплатѣ оброка на землю, также какъ и у русскихъ, обуславливаетъ дѣлимость семействъ. Но кромѣ сейчасъ названной экономической причины дробленія зырянскихъ семействъ, конечно, есть и другія естественныя, каковы, на примѣръ: вымираніе многочисленныхъ семействъ. Короче сказать, вслѣдствіе экономической способности къ крайнему дробленію земледѣльской собственности (иные семейства получаютъ изъ общественной земли участки только на четверть души) и противоположнаго свойства охотничьей, и вслѣдствіе того, что первая всегда равна рабочимъ силамъ каждой семьи, для эксплуатированія послѣдняго необходимо соединеніе нѣсколькихъ семействъ и главнымъ образомъ семействъ родственныхъ, имѣющихъ одинаковое наследственное право собственности (а не временнаго владѣнія только, какъ владѣніе участкомъ общинной земли) на неспособный къ раздробленію охотничій нахожіи участокъ.—Я говорю «главнымъ образомъ родственныхъ семействъ», а не исключительно, такъ какъ, независимо отъ мельчанія семействъ вслѣдствіе сію минуту упомянутой экономической причины, допускаю и естественную, именно вымираніе многочисленныхъ семействъ. Въ послѣднемъ случаѣ, для производства охоты въ извѣстномъ участкѣ, необходимо соединеніе силъ и семействъ неоднородныхъ: на примѣръ, какой-нибудь охотникъ-одиночка, владѣющій цѣлымъ участкомъ, можетъ вступить въ товарищество съ чужероднымъ одиночкою же, который отдѣляется отъ многочленного семейства по противоположной причинѣ, т. е. по случаю избытка въ родной семьѣ охотничьихъ силъ, при эксплуатациіи принадлежащаго ей участка. Кромѣ того подобный одиночка-владѣлецъ участка можетъ нанимать въ помощь себѣ и какого нибудь безроднаго и безсемейнаго работника, за денежную плату или изъ опредѣленной доли добычи, подобно тому какъ при обработываніи земли у зырянъ существуетъ позаимствованное ими у русскихъ сосѣдей половничество. Послѣдній способъ производства охоты не есть только апіористическій мой выводъ. Такое предположеніе подтверждается крайне любопытными фактами, сообщенными г. Арсеньевымъ, именно, что «послѣ бездѣтнаго охотника его ловушки наследуютъ родственники, а если нѣтъ родственниковъ, то право ихъ переходитъ къ обществу или, чаще всего, по отказу покойнаго, къ церкви, и тогда «путикъ» становится оброчною статьею». Къ анализу этихъ фактовъ я скоро возвращусь, а теперь

считаю необходимымъ замѣтить, что по той же самой причинѣ, по которой охотничій участокъ, «путикъ» не можетъ дробиться на слишкомъ мелкія части, онъ не можетъ и увеличиваться далѣе извѣстныхъ размѣровъ. Если для производства охоты партія охотниковъ должна состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ, если не трехъ человекъ, то и болѣе этого числа для производительности промысла не нужно: нельзя же ходить по одной тропѣ и охотиться за однимъ звѣремъ цѣлой толпѣ. Поэтому слишкомъ многочисленная партія охотниковъ можетъ охотиться, только подраздѣляясь въ нѣсколькихъ самостоятельныхъ, такъ сказать, округленныхъ цѣльныхъ участкахъ. Здѣсь уже заключается поводъ къ дробленію рода и даже людной семьи, если даже участки и составляютъ собственность одного рода и помѣчены одними знаками. А этотъ поводъ еще болѣе усиливается наклонностью къ дробленію земледѣльческихъ участковъ и земледѣльческихъ рабочихъ силъ охотничьяго рода или семьи.—Такимъ образомъ родъ, какъ хозяйственная единица, а затѣмъ уже, какъ и кровный союзъ, не можетъ обнимать значительнаго числа лицъ. Вотъ почему, я полагаю, и г. Арсеньевъ, указывая на существованіе у зырянъ рода, въ числѣ членовъ его ясно указываетъ только братьевъ и сыновей, которые ходятъ на охоту со старшимъ.

Тѣмъ не мѣнѣе, не только кровная, но и юридически-имущественная связь существуетъ и между болѣе удаленными членами рода: бездѣтному охотнику наследуютъ родственники, говоритъ г. Арсеньевъ, и только когда ихъ нѣтъ, охотничій участокъ становится выморочнымъ; только тогда допускается завѣщаніе въ пользу церкви. Значитъ существуетъ наследованіе участка по закону или, говоря точнѣе, по обычаю, и наследованіе по завѣщанію имѣетъ мѣсто лишь послѣ безроднаго: завѣщаніе при живыхъ сродникахъ, повидимому, не имѣетъ мѣста.

Замѣчательна судьба выморочнаго охотничьяго имущества: за смертію послѣдняго въ родѣ, по обычаю, оно переходитъ въ общество, а не въ казну, какъ бы слѣдовало по общему писанному закону; быть можетъ потому, что съ одной стороны казна не знаетъ такого имущества, а съ другой потому, что если отъ времени и утратились признаки родства покойнаго съ какимъ нибудь еще живущимъ отдаленнымъ колѣномъ, то осталось сознаніе или по крайней мѣрѣ фикція кровной связи его съ обществомъ,

къ которому онъ принадлежитъ, но такъ или иначе выморочный участокъ, перешедшій въ общество или къ церкви, становится оброчною статьею.

Къ сожалѣнію я не имѣю никакихъ свѣдѣній относительно того—какимъ образомъ пользуются общества и причты этими своеобразными оброчными статьями: какимъ образомъ, кому и на какихъ условіяхъ онѣ отдаются въ содержаніе? Несомнѣнно то, что онѣ отдаются въ аренду, ибо общества и причты, какъ лица юридическія, не могутъ пользоваться ими непосредственно, и для причтовъ это невозможно и по закону, и физически, по случаю отдаленности оброчныхъ статей. Но кому же онѣ отдаются? Разумѣется, кому нибудь изъ членовъ общества, къ которому принадлежалъ покойный. Для меня въ настоящую минуту этотъ послѣдній фактъ важенъ тѣмъ, что подтверждаетъ ранѣе высказанную мною догадку о существованіи пользованія чужими участками посторонними для извѣстной семьи лицами, по всей вѣроятности на половничьемъ правѣ или, точнѣе говоря, изъ опредѣленной части добычи. Почти въ такомъ же положеніи относительно пользованія охотничьимъ участкомъ, какъ и юридическія лица, находятся женщины, особенно вдовы съ малолѣтними дѣтьми. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ должны владѣть по праву представительства за своихъ дѣтей. Хотя женщина, по понятіямъ зырянъ, лицо правоспособное, такъ какъ даже бездѣтныя вдовы у нихъ могутъ владѣть участками общественной земли; но непосредственное владѣніе охотничьими участками, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, для женщины физически невозможно. Конечно не то было въ древности и нѣтъ основанія не довѣрять словамъ Тацита, когда онъ, описывая бытъ современныхъ ему финновъ, говоритъ: *«Idemque venatos viros pariter ac feminas alit: passim enim comitantur, partemque predae petunt.* Но это потому, что въ то время финскіе народы не были осѣдлыми и нехитрыя свои жилища могли устраивать тамъ, гдѣ охотились: *non arma* (конечно, въ римскомъ смыслѣ), *non equi, non penates (?)*; *victui herba, vestitui pelles, cubile humus... Nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffigium, quam ut in aliquo ramorum nexu contengantur; huc redeunt juvenes, hoc senum receptaculum.* При настоящихъ же условіяхъ быта, женщина можетъ быть или представительницею права малолѣтнихъ дѣтей, какъ я уже сказалъ выше, или посредницею для передачи правъ лицу, чуждому семьѣ и даже роду, если это лицо, въ качествѣ мужа, всту-

пить въ ея семью. Передается ли такое имущество въ видѣ приданого—трудно даже догадываться. Кажется, что такая передача можетъ имѣть мѣсто развѣ въ томъ случаѣ, когда нѣтъ въ виду наследниковъ мужескаго пола. У зырянъ сама невѣста есть цѣнность; слѣд. приданое за ней должно считать роскошью. Если у русскихъ крестьянъ смотрятъ на женитьбу, какъ на средство пріобрѣсти хорошую работницу, то у зырянъ такой взглядъ имѣетъ еще больше значенія вслѣдствіе того, что за продолжительными отлучками мужчинъ на охоту, на женщинъ падаетъ болѣе работъ по дому и хлѣбопашеству \*).

Всѣ выше упомянутыя сдѣлки и распоряженія относительно охотничьей собственности совершаются исключительно на основаніи твердо установившагося обычая, развѣ при незначительномъ участіи личного произвола и безъ всякаго соображенія съ писаннымъ закономъ и предписанными имъ формальностями, такъ какъ писанный законъ не знаетъ охотничьей собственности. Законъ не знаетъ даже, что въ казенныхъ лѣсныхъ пустыняхъ строятся охотничьи *пывьяны* и *щамы* изъ лѣсу, заготовленнаго безъ порубочныхъ билетовъ, что для иныхъ ловушекъ, быть можетъ, рубятся мачтовые деревья. Ни законъ, и никто не знаетъ, какимъ образомъ появляются мірскія или церковныя оброчныя статьи среди казенныхъ лѣсовъ, ни кому не проданныхъ, никому не пожалованныхъ. Трудно предположить, чтобы напримѣръ безродный зырянинъ, не знающій грамотѣ, отказывая въ церковь свой участокъ, заявилъ свою волю въ писанномъ завѣщаніи, да если бы онъ и написалъ духовное завѣщаніе, то можетъ ли оно имѣть законную силу? Кто его утвердитъ? Въ какую книгу и какъ запишетъ церковный причтъ завѣщанный ему путикъ? Какъ онъ оцѣнитъ его? Въ какую законную форму облечетъ онъ сдѣлку съ арендаторомъ? Въ какое присутственное мѣсто подастъ жалобу на неисправнаго контрагента? Можетъ ли онъ даже указать, гдѣ находится его владѣніе?—Такихъ вопросовъ можно накидать безъ числа. Это потому, что зырянская охотничья собственность для насъ, какъ для гоголевской Коробочки мертвые души, товаръ небывалый.

Именно по этому то изученіе всѣхъ подробностей обычнаго владѣнія охотничьимъ имуществомъ у зырянъ и

\*) Сколько работъ, составляющихъ у насъ обыкновенно обязанность мужчинъ, у зырянъ исполняется женщинами, можно судить по тому, что у послѣднихъ, въ зимнее время женщины и дѣвушки замѣняютъ ямщиковъ мужчинъ.



заслуживаетъ особеннаго вниманія этнографа. — Смѣю надѣяться, что изложенные въ настоящей статьѣ факты и соображенія подтверждаютъ такое убѣжденіе. Съ такою именно цѣлью она и написана. Я очень хорошо понимаю, что сама по себѣ она не имѣетъ для науки почти никакого фактическаго значенія. Вотъ почему я послѣ того, какъ потерялъ надежду получить отъ г. Арсеньева сколько нибудь подробныя свѣдѣнія объ интересующемъ меня предметѣ, обращался въ редакцію «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» съ предложеніемъ помѣстить ее въ своемъ изданіи съ присовокупленіемъ къ ней подробной программы, которую я обѣщалъ приготовить и съ приглашеніемъ отъ редакціи духовныхъ лицъ зырянскаго края прислать замѣчанія на статью и отвѣта на вопросы, заключающіеся въ программѣ. Съ такимъ предложеніемъ обратился я именно въ редакцію «Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ тѣхъ видахъ, что это изданіе читается духовенствомъ, которое болѣе, чѣмъ

кто нибудь и даже исключительно оно, непосредственно знакомо съ обычаями зырянъ, и въ прежнее время, не знаю какъ теперь, нѣкоторые священники помѣщали иногда свои статьи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Но редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей» отозвалась, что статья моя не соотвѣтствуетъ программѣ этого изданія. Хотя я и не предполагаю получить подобнаго же отказа отъ редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей»; но до сихъ поръ не дѣлалъ ей предложенія. Я думаю, что такая попытка только тогда увѣнчается успѣхомъ, когда какое нибудь вліятельное лицо въ губерніи ножелаетъ оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе и непосредственно обратится за свѣдѣніями къ тѣмъ, кто можетъ ихъ доставить. Мнѣ кажется, что, напримѣръ, инспекторъ мѣстныхъ училищъ могъ бы тутъ оказать содѣйствіе. Но я не имѣю знакомства съ этимъ должностнымъ лицомъ, и потому нахожу неумѣстнымъ прямо отъ себя обратиться къ нему.

### VIII. ОЧЕРКИ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДѢТЕЙ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ ИХЪ ПОТѢХАХЪ, ОСТРОТАХЪ, СТИШКАХЪ И ПѢСНЯХЪ.

(Сообщеніе А. Ѳ. Можаровскаго.)

Нынѣ, вслѣдствіе признанія необходимости изучать русскую народность, очень многіе задали себѣ это цѣлю, но къ сожалѣнію при этомъ они все свое вниманіе обращаютъ на одинъ только возрастъ возмужалости, насколько не касаясь дѣтства. Такимъ образомъ во всѣхъ этнографическихъ очеркахъ, гдѣ описываются нравы, обычаи, суевѣрія и поэзія взрослога народа, о дѣтяхъ не встрѣчается ни слова. Между тѣмъ, изучая дѣтскую природу русскаго человѣка, узнаемъ его съ самаго младенчества: развѣ не изъ дѣтей вырастаютъ отрочки, разцвѣтаютъ юноши и крѣпнутъ мужи, которые всѣ въ совокупности составляютъ народъ?

Старая и всѣмъ извѣстная истина говоритъ намъ, что какъ дерево, если оно покривится съ младости, то навсегда остается кривымъ; такъ и человѣкъ, если онъ въ дѣтствѣ добръ, то и въ старости добръ, а если въ дѣтствѣ золь, то и въ старости золь. Это кажется довольно ясно и не стоитъ того, чтобы доказывать. «Какъ въ колыбельку, такъ и въ могилку», говоритъ русская пословица.

Мюленфордъ совершенно справедливо утверждаетъ, что игры дѣтей извѣстнаго народа важны въ этнографическомъ отношеніи. Въ своемъ описаніи Мексиканской республики (Томъ I, стр. 318) онъ говоритъ: «Общественныя увеселенія дѣтей бываютъ всегда вѣрнѣшимъ отраженіемъ жизни взрослыхъ и потому при описаніи жизни какого-либо народа не слѣдуетъ вовсе умалчивать о нихъ». Разительнымъ доказательствомъ этого служатъ описанныя имъ игры дѣтей въ Мексикѣ, какъ игра въ процессіи, бой быковъ, ямайки (дѣтскіе балы днемъ) и огненный змѣй.

Кромѣ того «игры дѣтей, говоритъ Гейфельдеръ, должны имѣть важное значеніе не только для педагога, но и для всякаго интересующагося дѣтскимъ возрастомъ, во первыхъ, какъ характеристическое явленіе этого возраста вообще и въ жизни всякаго ребенка отдѣльно, а во вторыхъ, какъ воспитательное средство» («Жур. Учитель» за 1861 годъ № 24, ст. «Дѣтскія игры»). Можно сказать, что, изучая дѣтей, мы вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе изучили бы и самый нашъ народъ.